

*Е. Н. Дербин***ПРОБЛЕМА ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ В ТРУДАХ
ИСТОРИКОВ-ЮРИСТОВ ХАРБИНСКОГО ЦЕНТРА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Статья посвящена взглядам историков-юристов харбинского центра русской эмиграции (Г.Г. Тельберга, К.И. Зайцева, Н.Е. Эсперова) на проблему верховной власти в Древней Руси. Анализируются такие институты верховной власти, как княжеская власть, вече, боярская (княжеская) дума, и достаточно широкий круг связанных с ними историографических вопросов. Показаны общность и особенность взглядов рассматриваемых историков, трудившихся на Юридическом факультете в Харбине в 1920–1930-е годы; их преемственность с дореволюционной отечественной историографией и вектор самостоятельного развития, прерванного Второй мировой войной. Делается вывод, что, несмотря на разность научных школ и поколений, историки русского права, оказавшиеся в данном центре российского зарубежья, пришли к единому мнению о тройственности верховной власти в Древней Руси. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: верховная власть Древней Руси, княжеская власть, вече, боярская дума, харбинский центр русской эмиграции, Юридический факультет в Харбине, Г.Г. Тельберг, К.И. Зайцев, Н.Е. Эсперов.

*E. N. Derbin***THE PROBLEM OF THE SUPREME POLITICAL AUTHORITY IN THE ANCIENT RUS' IN THE
WORKS OF RUSSIAN ÉMIGRÉ LEGAL HISTORIANS IN HARBIN**

The paper deals with the views of Russian émigré historians of law in Harbin (G.G. Telberg, K.I. Zaitsev, N.E. Esperov) regarding the supreme authority in the Ancient Rus'. The author analyses supreme authority institutes, such as princely power, veche, boyar (princely) дума, and quite a broad range of related historiography problems, demonstrating what those historians, who taught at the Faculty of Law at Harbin University in the 1920–30s, had in common and in what ways they differed in their approaches, as well as finding in their works traces of prerevolutionary historiographical agenda and outlining their own ways of thinking that were brought to an end by the WWII. The conclusion is that, even though they belonged to different schools of thought and generations, the Russian historians of law who ended up in Harbin agreed on the tripartite structure of the supreme authority in the Ancient Rus'. Refs 18.

Keywords: supreme authority in the Ancient Rus', princely power, veche, boyar дума, Harbin center of Russian emigration, Harbin Faculty of Law, G.G. Telberg, K.I. Zaitsev, N.E. Esperov.

Проблема верховной власти в Древней Руси и историография русского зарубежья сегодня сами по себе являются остроактуальными темами. Им посвящают монографии, выходит огромное количество статей, защищаются диссертации, проводятся конференции, выпускаются тематические сборники и даже ежегодники. Однако странной выглядит ситуация, когда проблемам древнерусской власти в творчестве историков-эмигрантов уделяется относительно мало внимания, в то время как они оставили богатейший, во многом еще необработанный и не впитанный современной исторической наукой материал. Со времени работ В.Т. Пашуто, В.П. Шушарина, И.П. Шаскольского, писавших об этом в основном в 1960-е годы

Дербин Евгений Николаевич — кандидат исторических наук, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, Российская Федерация, 426069, Удмуртская Республика, Ижевск, Студенческая ул., 11 (корп. 1); derbin80@mail.ru

Derbin Eugene Nikolaevich — PhD in History, Izhevsk State Agricultural Academy, 11 (bldg. 1) Studencheskaya ul., Izhevsk, 426069, Russian Federation; derbin80@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

и однобоко представлявших историков-эмигрантов как реакционеров, буржуазных ученых, не внесших большого вклада в изучаемые проблемы, появилось лишь несколько исследований по разбираемой теме. Так, недавно появились специальная статья и монография А. Ю. Дворниченко, посвященные историографии древнерусского политогенеза, в том числе эмигрантской [Дворниченко 2014а; Дворниченко 2014б]. В них, как и в большинстве подобных работ, речь в основном идет о творчестве историков из европейских и американских центров русской эмиграции. Таким образом, от внимания историографов ускользают труды историков-эмигрантов, сосредоточившихся в 1920–1930-е годы на Дальнем Востоке и имевших своим крупнейшим центром г. Харбин в Маньчжурии.

Харбинский центр русской исторической науки в эмиграции имел свои характерные особенности в сравнении с остальным историографическим миром российского зарубежья. В частности, здесь не оказалось ни одного крупного историка, специализирующегося на изучении истории России. Но потребность в познании своего исторического прошлого, в сохранении своей культурной идентичности была столь велика, что специалисты из других областей знания, особенно права, с энтузиазмом брались за это дело. Отсутствие больших исторических обществ и академических групп русской эмиграции в Китае, казалось, также не способствовало развитию научной деятельности. Однако, несмотря на то что русские ученые в Маньчжурии не пользовались никакой правительственной поддержкой, благодаря связям с Европой некоторым историкам удавалось защитить диссертации, получить ученые степени и звания. Развитию исторической науки способствовала и возможность публикации научных трудов: в Харбине и Шанхае в этот период процветали русская периодическая печать и издательское дело. И, наконец, необходимо отметить, что харбинский центр эмиграции — это прежде всего крупнейший образовательный центр, с хорошо развитой сетью русских образовательных учреждений, от начальных школ до высших, стремившихся сохранить дореволюционные традиции [Говердовская 2006; Лазарева 2011]. С высшими учебными заведениями Харбина, с преподавательской деятельностью историков-юристов и связана главная нить отечественной историографии дальневосточной диаспоры, в том числе в изучении проблем верховной власти в Древней Руси.

Харбин был крупным, в большинстве своем русским городом, нуждавшимся в высшем образовании, особенно для нужд обслуживания КВЖД. Здесь было основано до десятка высших учебных заведений, из которых ведущим являлся Юридический факультет [Стародубцев 2000; Марченко 2011; Пономарева 2014]. Это был первый вуз такого рода, основанный русской эмиграцией в странах рассеяния в 1920 г., первоначально как Высшие экономико-юридические курсы. Он имел свой печатный орган — «Известия Юридического факультета» [Стародубцев 2001; Косинова 2013; Дудин 2015]. Профессура факультета совмещала преподавание с работой в других местных учебных заведениях, в том числе в Педагогическом институте, где было словесно-историческое отделение. Оба вуза просуществовали до 1937 г. Работа Юридического факультета велась на основе Общего университетского устава 1884 г., в соответствии с которым на факультете функционировала кафедра истории русского права. На кафедре трудились три поколения русских историков: первое, старшее, полностью профессионально сложившееся до революции; второе, среднее, лишь начавшее трудовую деятельность до революции; третье,

младшее, завершившее образование в эмиграции и только там приступившее к научной деятельности. Все они интересовались проблемами истории Древней Руси и оставили после себя труды, ей посвященные.

К старшему поколению историков-юристов, преподававших на Юридическом факультете, можно отнести ординарного профессора Георгия Густавовича Тельберга (1881–1954). До эмиграции в Китай в 1921 г. он был приват-доцентом Казанского и Московского университетов, профессором Томского и Саратовского вузов [Пономарева 2013]. Во время пребывания в Харбине Г. Г. Тельберг опубликовал ряд работ по международному праву, а также четыре выпуска «Памятников древнего русского права» (1926–1927), что определялось тематикой преподаваемых им на Юридическом факультете дисциплин (история русского права и история международных отношений России). Однако самое крупное и важное для изучаемой темы исследование Г. Г. Тельберг написал уже после закрытия факультета. В 1938 г. все русское зарубежье широко отмечало 950-летие крещения князем Владимиром Руси, для чего во многих местах рассеяния образовывались Владимирские комитеты и издавались юбилейные сборники. Это дало мощный толчок изучению древнерусской истории в эмиграции [Филин 2000]. Для юбилейного сборника «Русь Святого Владимира», изданного Владимирским комитетом г. Шанхая в 1938 г., Г. Г. Тельберг предоставил исторические очерки «Церковь и культура в Древней Руси», которые затем переросли в книгу «Заря христианства на Руси» (Шанхай, 1939). Автор ставил перед собой конкретную цель: проследить взаимодействие церкви и русского народа на заре истории и определить, какое участие приняла церковь в выработке его основных социальных ценностей (литература и искусство, национальность и государство, мораль и право). Его взгляды не только синтезировали многие идеи дореволюционной отечественной историографии, но и порой представляли черты яркой индивидуальной исследовательской мысли. Так, в целом описывая языческую эпоху на Руси, ученый совмещает суждения В. И. Сергеевича, Д. Я. Самоквасова, В. О. Ключевского и др., однако, рассматривая конкретный вопрос социально-политической борьбы в Киеве вокруг процесса христианизации Руси, занимает самостоятельную позицию [Зайцев 1942, с. 280–292]. Конечно, как и многие эмигранты, Г. Г. Тельберг не имел под рукой всех необходимых материалов (о чем сам не раз заявлял), поэтому часто его рассуждения носят описательный характер. Эти особенности творчества историка-юриста определили и его представление о верховной власти в Древней Руси.

С точки зрения Г. Г. Тельберга, Русь возникла на великом торговом пути от Новгорода до Киева из соединения городских славянских областей с варяжскими княжествами, основанными скандинавами «в узловых станциях этого древнего пути». Сначала «толпы норманских воинов брали дань с северных племен и сажали по городам своих конунгов и ярлов, которые правили областью то как завоеватели, то как наемники». Затем «княжеский владетельный род, который утвердился в Киеве и в Новгороде», объединил в IX в. «разнообразные этнические элементы, толпившиеся у великого водного пути» [Русь 1938]. «Киев стал столицей государства, старшим стольным городом, где правил старейший князь; в других городах сидели младшие Рюриковичи, подручники великого князя киевского. ... В Киеве собиралась княжеская дума. ... В случае дальних походов здесь формировалось и мобилизовалось ополчение всей земли». Это был княжеско-дружинный центр, тесно

связанный с торговыми путями, считал Г. Г. Тельберг [Зайцев 1942, с. 282]. Но зависимость от киевского князя восточнославянских и иных племен, по его мнению, была слабой. Политическую связь удавалось поддерживать лишь военными успехами и дальновидной дипломатией ярких и талантливых представителей княжеского рода, оберегавших границы и торговое движение племен. Общий торговый интерес пришлых норманнов с купеческими верхами местного общества, из которых «избирались “старейшины городские”, участвовавшие в княжеском правительственном совете», — это все, на чем держалась власть великого князя Киевского [Зайцев 1942, с. 283]. «У первых Рюриковичей, — писал историк, — было очень слабое сознание их связи с племенами, которые находились под их властью». «Дань была едва ли не главным интересом управления. Военные предприятия вызывались или необходимостью обеспечить взимание старых даней, или стремлением открыть источники новых. Дань собранная шла на содержание дружины и княжеского рода, а излишки поступали в торговый оборот — князь был один из крупных экспортеров туземных продуктов. Суд сосредоточивался по преимуществу в руках самого населения... Князь или княжеский наместник, если таковой был, собирал, вероятно, пошлины с суда и вмешивался активно только в тех случаях, когда дело касалось княжеского интереса. Таков был круг правительственной деятельности первых Рюриковичей, для которого ни они, ни подвластное население не искали никаких идейных оправданий». «Только в отношении между собой, между членами своего рода, первые Рюриковичи держались идеи родового наследия». Для прочного единства государства была необходима общенациональная идеология, считал Г. Г. Тельберг, которую и принесла христианская церковь «на почве развитой византийской государственности». В «примитивные отношения силы и власти, основанные на фактах господства и подчинения», «церковь устами своих епископов, проповедников и публицистов старается всеми мерами» внести идею монархической власти. «Княжеская власть есть учреждение Божественной воли; цель этой власти — охрана церкви, праведный суд; вообще, служение государству; в княжеской власти подчеркивается элемент ее публично-правовых обязанностей». «Отсюда — поддержанная церковью легенда о призвании князей, о том, что прадед Владимира Святого прибыл на Русь по призыву самого населения и что задача его была “судить и владеть по праву”». «Отсюда — попытка летописца смягчить всячески суровые черты первых правителей Руси и отыскать в делах и походах элемент служения родине». И отсюда же, по мнению Г. Г. Тельберга, митрополит Илларион наделяет киевского князя царским титулом «кагана всех русских», по примеру византийского базилевса как «императора ромеев». Таким образом, «обращенная к подвластным эта теория требовала от них повиновения не во имя силы, не во имя договора, не во имя традиции, а ради “страха Божия” и как исполнение заповеди религиозной», — писал историк [Русь 1938].

Однако, как полагал Г. Г. Тельберг, «обе стороны, то есть и Рюриковичи, и управляемый ими народ, плохо воспринимали эту новую христианско-византийскую теорию монархической власти, которая расходилась с их прошлым, поэтому в своих практических отношениях они предпочитали держаться “старинны”, то есть обычая, прецедента и традиции», идущих с языческих времен. «Потомки Владимира Святого были пропитаны идеей, что их право на власть основывается на их принадлежности к владетельному роду», спорили между собой о старшинстве, «а население

русских областей, не возражая против этой теории, держалось того правила, что из Рюриковичей они могут выбирать того правителя, который приобрел среди них популярность или таланты которого, военные и дипломатические, были особенно важны той или другой области». В то время как народное вече усложняло споры князей, избирая и низлагая их «по своим политическим симпатиям, бояре и слуги княжеские отказывались от службы одному князю и переходили к другому, в поисках добычи и карьеры. Все элементы светского общества находились в состоянии подвижности и брожения», «все отношения нормировались частным договором, случайным и переменным, как случайны и переменны человеческие интересы». Отсюда, если правильно понимать Г. Г. Тельберга, проистекал триализм верховной власти, который отражал узкие групповые интересы трех социальных миров — княжеского, дружинного и земского. Все они имели свои верховные органы власти, опирались на идеи «договора, старины и обычая, как единственных полновластных норм в сфере политических отношений», и боролись друг с другом. В этой своеобразной киевской политической системе, по мнению историка, единственной силой, «сцеплявшей» распадающиеся социально-политические элементы была церковь, подчинявшая общество своим примером, «во имя целого, — дисциплине, иерархии и закону». «Так продолжалось вплоть до татарского завоевания. Церковно-политическое учение о княжеской власти проникало очень туго в народное правосознание», так же как в правосознание Ярославичей, «и не было пружиной, двигавшей практическую политику», — заключал Г. Г. Тельберг. Впрочем, если «идея христианского монарха, политические обязанности которого вытекают из религиозных», и не прижилась на Руси, то «гораздо более важной была, пожалуй, практическая работа церкви, — считал историк, — заключавшаяся в тех религиозно-общественных уроках, которые церковь, от шага к шагу, давала русским князьям в их практической политике. Епископы, присутствовавшие в совете князя, высказывались по поводу той или иной меры с точки зрения канона церкви и христианской заповеди. Междукняжеские конфликты редко обходились без умиротворяющего воздействия представителей церкви... Церковь признавала традиционную норму Владимирова потомства — распределять княжения по старшинству и вмешивалась всегда, когда этот обычай нарушался. ... Идеал правителя был, так сказать, вдвинут в рамку идеала благочестивого человека: хорошим князем считался тот, кто в своей жизни и в правительственной практике соблюдал долг религиозного человека и благочестивого христианина. Митрополит, епископ и духовник князя были его судьями в этом вопросе и, от шага к шагу, от деяния к деянию, без прямого вмешательства в дела управления, выправляли линию его поведения в сторону христианско-общественного идеала». «Сто лет христианского учения и христианской проповеди, сто лет упорной воспитательной работы, которую вела церковь, привели к тому, что князь-конунг скандинавского типа переродился в князя-христианина или, по крайней мере, поставил себе христианский идеал», — резюмировал Г. Г. Тельберг [Русь 1938].

К среднему поколению историков-юристов харбинского центра русской эмиграции принадлежал Кирилл Иосифович Зайцев (1887–1975). Его судьба несколько отличается от судеб тех, кто с начала эмиграции оказался в Китае. В Харбин К. И. Зайцев специально переехал по приглашению Юридического факультета лишь в 1935 г. из Парижа, где редактировал газеты «Возрождение», «Россия

и славянство». До этого он был приват-доцентом по кафедре административного права на Русском юридическом факультете в Праге и занимался историей крепостного строя в России. В Харбине, наряду с исполнением обязанностей профессора Юридического факультета, ему пришлось занять место ректора Педагогического института, на котором он оставался до закрытия института. Здесь он читал курсы «Начала экономики и права» и «Основы этики» [Сорокина (авт.-сост.) 2011, с. 77]. В 1942 г. была опубликована его работа «Киевская Русь», которая включала авторский исторический обзор и книгу для чтения, с фрагментами из источников и трудов выдающихся историков. Неизвестно, что привело его к идее написать книгу о Древней Руси. Известно, что в это время им был создан и другой большой труд — «Московская Русь как явление духовной культуры» [Фомин 2000]. Возможно, на создание этого труда его подвиг, как и Г. Г. Тельберга, юбилей крещения Руси либо приобщение к церкви, с традиционной для эмиграции попыткой осмыслить истоки родной культуры. Тем не менее многолетние занятия историей русского права помогли ему создать уникальный для русского зарубежья труд, с самостоятельным взглядом на политический строй Древней Руси, вскоре выдержавший и второе издание (Шанхай, 1949).

Итак, историю верховной власти в Древней Руси К. И. Зайцев традиционно начинает с образования у восточных славян городских областей. «Три элемента можно различить в политическом устройстве изначальной волости: единоначального главу, князя; сходку хозяев, вече; некую связующую иерархию военно-административного управления, по-видимому, построенную на начале численном (тысячи, сотни, десятки). На это “готовое” пришла варяжская власть, когда она, скользя по “чужому” краю и им частично овладевая, стала постепенно вращаться в него, наслоя свою организацию военно-торговых пришельцев на политическую организацию захватываемых и облагаемых данью волостей». Таким образом, историк не сомневался, что «еще до призыва варягов Новгородом... отдельные волости, обособленные по признаку племенному или территориальному, имели еще до Рюрика облик, поддающийся квалификации в терминах государственно-правовых. С другой стороны, — продолжал он, — мало кто в настоящее время склонен Киевскую Русь, даже в период расцвета, рассматривать как законченное, оформленное государство монархического типа. Государственной жизнью жила и до-Киевская Русь, а сложившимся государством не сделалась Русь и Киевская». И все же после призвания варяг — «вооруженных купцов и наемных дружинников во главе с королем», — К. И. Зайцев склонен видеть процесс образования государства во главе со своей династией, объединившей города и земли. «Первоначально в отдельных волостях могла оставаться неприкосновенной вся бывшая организация, вплоть до туземного князя, который становился данником новой власти. Только постепенно произошла повсеместная замена коренных князей князьями и наместниками новой формации, родичами и ставленниками Рюрикова дома. Новые князья садились на занимаемых ими столах, конечно, не одни, а окруженные своими дружинами, которая и составляет новую правящую “элиту” — над старой и рядом с ней». И далее: «Нельзя, впрочем, упрощенно рассматривать власть варяжских пришельцев как власть оккупантов-завоевателей. Предание о призыве Рюрика и его братьев отчетливо рисует характер связи, наблюдавшейся между землею и князем на Руси: то был сговор, построенный на взаимном интересе обеих сторон». Раз было

призвание, рассуждал историк, значит, князья должны были считаться с землей. «Соотношение сил могло в отдельных случаях весьма далеко уклонять чашу весов от равновесия, но принципиально “земля” (“волость”, “город”), находя политическое воплощение в боярской думе и в народном вече, сохраняла рядом с князем свое значение. Без добровольного сотрудничества с землею немыслимо было нормальное существование и длительное функционирование княжеской власти. “Верховенство” принадлежит земле, но на первом месте стоит князь». Его К. И. Зайцев характеризовал следующим образом: «Князь правит, судит, главенствует в войске. Это — не отвлеченный “орган власти”, а живой человек, который должен творить личный суд между спорящими, давать личную управу обиженным, лично вести дружину и ополчение в поле. Отсюда такое внимание к личным качествам, к моральному достоинству князя. Он должен быть добрым и хотеть добра всем сердцем. ... Князь — это то правительство, которое не может не существовать, так как без него вся жизнь останавливается, теряет волевой центр. Князя можно сдерживать, контролировать, даже согнать — но жить без князя нельзя. Каждый отдельный князь не воспринимался как неограниченный владыка, не ощущался даже как правитель, крепко, постоянно, наследственно связанный с данной землей. Он сам мог перелететь в любой момент куда-нибудь на другой стол, более для него выгодный или привлекательный, да и волость могла признать его для себя неудобным. Вот где сказывалось верховенство земли!» — подчеркивал историк [Зайцев 1942, с. 37–38, 192–194].

Возвращаясь к общей характеристике политического строя Древней Руси, К. И. Зайцев замечал: «Легко представить себе, в какой мере множествен и расплывчат был политический облик Киевской Руси! То была причудливая, постоянно меняющаяся и в деталях и в общих контурах, политическая мозаика, способная временами сливаться в импозантную картину целостного государства, но тут же обнаруживающая свою природу многосоставного множества, готового распасться на отдельные, едва связанные между собою, элементы» [Зайцев 1942, с. 195]. Фактически государство никогда не было единым, считал К. И. Зайцев, лишь эпизодическое единовластие отдельных князей формально делало его таковым. Не случайно, по мнению историка, что только «Владимиру и Ярославу присваивается чужеродное имя “кагана”». Но «даже в подобные моменты Русь воспринималась, однако, «самовластными» государями как совокупность отдельных волостей, лучшим средством объединения коих было возглавление их сыновьями, обязанными послушанием отеческой власти». Затем киевская общерусская власть «облекалась в сложную и хрупкую форму родового совладения Рюриковичей», в так называемую «лествичную» или «очередную» систему, которая была лишь «идеальной» нормой отношений между князьями и никогда точно не соблюдалась [Зайцев 1942, с. 119–126]. В то же время происходило «два одновременных и переплетающихся процесса государственного оформления: местный и общеземский. В отдельных землях отстаивался государственный порядок на путях согласования деятельности трех элементов: князя, правящего отбора (имеющего два корня, дружинный и туземный) и веча. На всем протяжении Руси отстаивался порядок общегосударственный, опирающийся на три начала: признания Киева стольным градом всея Руси, признания Рюрикова рода монопольным правителем Руси и признания за отдельными князьями свободы их междукняжеских соглашений — «рядов». Этот порядок лишь

в эпизодических случаях мог приводить к более или менее повсеместному и длительному фактическому верховенству киевской власти, обычно же являл картину споров и раздоров». Тут К. И. Зайцев, как и Г. Г. Тельберг, отдавал дань роли церкви, обеспечивающей общую жизнь Киевской Руси, вопреки отсутствию единой политической организации. Церковь, как иерархически построенный организм, «опиравшийся на начало религиозно-нравственной самодисциплины», призывала князей, по примеру святых Бориса и Глеба, к послушанию старшему в роде. На деле же князья не знали никакого подчинения «вне подчинения отеческой власти», будучи прирожденными правителями. «Поэтому, определяются ли взаимные их отношения семейно-родственными связями, определяются ли они особыми “рядами” — начало добровольности лежит в основе всех действий, совершаемых несколькими князьями. Владеет Русью союз князей, опираясь частью на родовую конституцию, формулированную Ярославом, частью на соглашения, общие и сепаратные, заключаемые князьями. Сами эти соглашения окрашены цветом не столько деловитого утилитаризма, как моральной солидарности» [Зайцев 1942, с. 195–197].

Таким образом, К. И. Зайцев, как и Г. Г. Тельберг, разделял концепцию триализма верховной власти на Руси, еще более подчеркивая ее сложный и неустойчивый характер, отражающий такой же общественный строй. При этом три верховных органа власти — князь, вече и дума, с одной стороны, существовали независимо друг от друга, в противоборстве, с другой стороны, не мыслили себя друг без друга. Для такого политического строя историки не находили однозначного определения. Так, по мысли Зайцева, если первичным было вече, как олицетворение «земли», то в государственных делах князь был лицом первенствующим. Отсюда, заключал ученый, «не следует одевать князя Киевской Руси ни в тогу республиканского «магистрата», ни в порфиру монарха» [Зайцев 1942, с. 197].

Младшее поколение историков-юристов харбинского центра русской эмиграции было представлено Николаем Евгеньевичем Эсперовым (1893–1945). До революции он учился на историко-филологическом факультете Казанского университета, но высшее образование ему удалось получить лишь в эмиграции. В 1923 г. Н. Е. Эсперов одним из первых окончил Юридический факультет в Харбине и был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории русского права. В 1926 г. с научными целями был командирован в Париж, где сдал экзамены на степень магистра истории русского права при Русской академической группе (1928) и получил звание приват-доцента. Вернувшись в Харбин, совмещал преподавание русской истории и истории русского права на Юридическом факультете и в Педагогическом институте, активно занимался научной, журналистской и общественной деятельностью [Сорокина (авт.-сост.) 2011, с. 201–202]. Таким образом, можно констатировать, что Русский юридический факультет в Харбине не только продолжал традиции дореволюционной исторической школы, но и развивал их дальше, воспитывая новые поколения русских историков.

Н. Е. Эсперов может считаться одним из немногих в русской зарубежной историографии, кто оставил после себя специальные работы, посвященные проблеме верховной власти в Древней Руси. Его взгляды по данному вопросу содержатся в двух статьях, опубликованных одновременно в юбилейном томе «Известий Юридического факультета» за 1931 г. В первой работе автор на широком историографическом фоне, используя труды дореволюционных, советских и эмигрантских

историков, попытался представить свой взгляд на социально-политический строй древнерусских земель и прежде всего Ростово-Суздальской земли [Эсперов 1931a]. Вторая статья была посвящена периодизации истории русского права и обоснованию выделения в ней особой удельно-феодальной эпохи с половины XIII до второй половины XV в. [Эсперов 1931b]. До этого периода Н. Е. Эсперов выделял киевский, или земский, период с единым «историческим типом». «В Киевскую эпоху вся Русская земля разделялась на земли, во главе которых стоял главный город “первый устроитель и руководитель ее политического быта”», — писал историк, цитируя В. О. Ключевского. В «земском государстве» (Н. Е. Эсперов использовал термин М. Ф. Владимирского-Буданова) преобладающим элементом служит территориальный: государство есть союз общин, старшая община правит другими общинами. В отличие от большинства отечественных историков, Н. Е. Эсперов считал (вслед за Д. А. Корсаковым, В. И. Сергеевичем и А. Е. Пресняковым), что до нашествия монголо-татар существовал союз русских земель с одинаковым социально-политическим строем и общим порядком [Эсперов 1931a, с. 206–211, 244; Эсперов 1931b, с. 248]. Правда, этот строй историк-эмигрант характеризовал иначе, чем названные специалисты. «Конечно, — писал он, — в каждой земле были свои особенности, но они не изменяли общего тона. Политический строй Киевской Руси характеризуется тем, что в нем были начала монархическое, демократическое и аристократическое». «В состав власти входят: князь, боярская дума и народное собрание (вече)». Говоря о тройственности форм верховной власти, Н. Е. Эсперов ссылаясь на мнения М. Ф. Владимирского-Буданова, М. А. Дьяконова и И. А. Малиновского, но применительно к Ростово-Суздальской земле эту конструкцию верховной власти характеризовал по-своему. Он исходил из того, что опровергал мнение о захолустье Северо-Восточной Руси до XII в. в сравнении с Южной [Эсперов 1931a, с. 206–219]. На основании этой точки зрения возникла знаменитая теория С. М. Соловьева о «новых городах», в которых вече не играло большой роли, так как князья смотрели на них как на свою собственность. Н. Е. Эсперов доказывал, что в Ростово-Суздальской земле уже до XII в. были землевладельческое боярство и народ, с которыми князьям приходилось считаться. «В некоторые эпохи мы наблюдаем, что один из трех элементов начинает играть главную роль, как бы заслоняя другие: все зависело от соотношения сил в данный момент. В Ростово-Суздальской земле мы наблюдаем подобное же явление, но ни одно из этих начал не берет верх и не подавляет остальные; взаимоотношение между ними такое же, как и в землях южной Руси. Необходимым составным элементом власти во всех землях был князь... Власть князя Ростово-Суздальской земли, по нашему глубокому убеждению, ничем не отличалась от власти князей южной Руси». «Так же они ходили на полюдье, заботились об укреплении городов, а иногда и создавали новые». «Однако главной заботой их были суд и расправа, а также защита своей земли», для чего они организовывали походы на соседние народы, строили пограничные города. Вмешивались они «и в общерусские дела, и в княжеские междоусобицы». Княжеские взаимоотношения в Древней Руси были формально равными, братскими и решались договорами, а не в зависимости от родового старшинства, которое уступало принципу семейному, считал историк. Лишь сильные князья распоряжались другими князьями, и те повиновались им, были подручниками. Поэтому, говоря о понятии «самовластец» по отношению к Андрею Боголюбскому в летописях, Н. Е. Эсперов

утверждал, что оно лишь раз упоминается, да и то применительно к изгнанию братьев. Остальные описания правления Андрея обычно изображают его зависимость от бояр и «людей» в принятии важных государственных решений. «Взаимоотношение сил между князем, вечем и боярской думой в Ростово-Суздальской земле, видимо, было таково, что не позволяло князю не считаться с желанием жителей края». Почти всегда вече играет главенствующую роль в наследовании княжеского стола, и только как дополнительные выступают случаи старшинства, занятия княжеского стола силой или при поддержке других князей. Они считали нормальным, что вече их призывало. «Вступая на княжение, князья Ростово-Суздальской земли заключают договор с жителями. ... На основании этого договора князь и княжил. В своей административной практике он обязан был следовать заключенному договору, в противном случае князь рисковал потерять свою волость», — писал историк. Ростовцы и суздальцы «не признавали за ним права распоряжаться княжеским столом, как своею собственностью» и «не хотели быть в “заднице” у своего князя». Поэтому Н. Е. Эсперов был убежден, что «одиначество... было нормальным взаимоотношением у князя с вечем в Древней Руси», т. е. когда между ними по важнейшим вопросам было одно мнение [Эсперов 1931а, с. 221–231, 241–242; Эсперов 1931б, с. 249].

При характеристике веча Н. Е. Эсперов следовал за В. И. Сергеевичем, который окончательно установил его верховное значение в составе власти. Историк не сомневался в знаменитых словах летописца об изначальном вечевом обычае во всех волостях и считал, что они отражают не только его индивидуальное мнение, но и «идеологию целого общества и именно того слоя, который стоял во главе общественной жизни». Поэтому, по мнению Н. Е. Эсперова, традиционные правовые формы власти в Древней Руси были вечевые как в идеале, так и в реальной жизни правопорядка городов, и не важно, новые это были города или старые. «Значение веча главного города базировалось на той социальной силе, которую собою представляли в земле жители главного города, из которых и состояло в подавляющем большинстве вече. Потеря главным городом своего бывшего значения в связи с обнищанием его населения должна была немедленно отразиться на политическом значении его веча». Отсюда Н. Е. Эсперов утверждал, что вече Киева в связи с падением торговли с Византией к концу XII в. и обезлюдением от разорений юга Руси из-за постоянных междоусобиц князей и набегов кочевников играло все меньшую роль в политической жизни региона. И, наоборот, в Ростово-Суздальской земле, где города богатели и увеличивали свое население, вече играло более заметную роль именно в это время и «по своему политическому значению» было таким же, «как вече Великого Новгорода той же эпохи». Оно решало вопросы призвания и изгнания князей, войны и мира, а также вмешивалось в управление землею и принимало участие в законодательной деятельности своих князей. Кроме того, считал историк, вече вмешивалось в назначение и изгнание епископа, власть которого формально была независимой от светской и имела свою юрисдикцию по обширному кругу дел. Однако «вечевой строй Ростово-Суздальского края имеет свою очень существенную особенность, которую мы не замечаем в других русских землях». «Обыкновенно вече главного города, постановлявшее решение от имени всей земли, состояло из жителей этого города, но иногда присутствовали и жители пригородов, находящиеся в это время в главном городе. В Ростово-суздальской земле мы наблюдаем

другую картину: для решения важных вопросов на вече сходятся жители нескольких городов. Эта особенность, по-видимому, была вызвана тем, что в земле было несколько городов, которые претендовали на первенство, и решение вече одного из городов не было достаточно авторитетно. Вряд ли все правоспособные жители нескольких городов могли присутствовать на таком вече. Несомненно, что собиравшись на вече не все население, а только представители его. Нет никаких данных, по которым мы могли бы судить, на основании какого принципа присутствующие на вече лица представляли городские общества. Но что принцип представительства был известен в эту эпоху и применялся на практике, в этом нет никакого сомнения». Раз идея представительства была не чужда обществу Ростово-Суздальской земли, то, значит, утверждал Н. Е. Эсперов, «вечевой строй здесь не только не замер, а получил последующее свое развитие» вплоть до Земских соборов Московской Руси. Таким образом, «из собрания жителей главного города вече превратилось в собрание всей земли, на котором присутствуют представители местных обществ» [Эсперов 1931а, с. 229, 232–238].

Характеризуя третий, аристократический элемент в составе верховной власти в землях Киевской Руси, Н. Е. Эсперов поддержал точку зрения М. Ф. Владимирского-Буданова об обязанности князя совещаться с Боярской думой. При этом заметив (в сторону оппонентов), что «раз мы наблюдаем постоянно повторяющийся факт во взаимоотношениях князя с боярами, то не вправе ли заключить, что это было обычаем», который также (как факт) приобретает нормативное значение. Кроме того, по его мнению, Боярская дума «часто действовала совместно с вечем и нередко руководила им». Здесь Н. Е. Эсперов оспаривал взгляды А. Н. Насонова, который отрицал роль боярства в руководстве вечем в Ростово-Суздальской земле, считая упоминания в летописи о таком руководстве позднейшими вставками. Но историк-юрист не вдавался в проблемы летописания, а искал логику в фактах. Бояре этой эпохи, полагал он, являются прежде всего землевладельцами. Причем в число бояр Н. Е. Эсперов включал и земских, и княжеских людей, отмечая их полное слияние в ту эпоху и оседание на землю. «Опираясь на свое богатство и на свои земельные владения, боярство и играло руководящую роль в социальной жизни земель». Далее он отмечал: «Боярин Ростово-Суздальской земли того времени — воин, землевладелец, капиталист, который имеет свою собственную дружину и является помощником князя в деле управления землею. Боярин по своему положению и значению в обществе стоял неизмеримо выше остальных граждан, которых тогда называли “люди”» [Эсперов 1931а, с. 220, 238–242].

Таким образом, Н. Е. Эсперов, как и его старшие коллеги по Юридическому факультету в Харбине, по-своему продолжал развивать распространенный еще в до-революционной историко-правовой науке взгляд на верховную власть в Древней Руси как на триализм вече, княжеской власти и боярской (княжеской) Думы.

Источники и литература

Говердовская Л. Ф. Образовательная и научная деятельность русской эмиграции в Китае. 20–40-е годы XX в. // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 150–160.

Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2014. 560 с.

Дворниченко А. Ю. Политогенез Киевской Руси в творчестве русских историков-эмигрантов // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 10 (94). С. 38–46.

Дудин П. Н. Русское право и русская правовая мысль на страницах маньчжурской прессы // Вестн. Бурятского гос. ун-та. 2015. № 2. С. 136–142.

Зайцев К. И. Киевская Русь: исторический обзор и книга для чтения. Харбин: Пушкинский комитет, 1942. XIII, 445 с.

Косинова О. А. «Известия Юридического факультета» как историко-педагогический источник о российском зарубежье в Китае // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 240–243.

Лазарева С. И., Шпилёва А. Н. Русские школы и вузы в Маньчжурии (20–30-е гг. XX в.) // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 10–20.

Марченко В. П. История создания и деятельности Русского юридического факультета в Харбине (1922–1929 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. III. С. 151–154.

Пономарева В. П. Профессор Г. Г. Тельберг как представитель русской зарубежной юридической мысли // История государства и права. 2013. № 5. С. 12–16.

Пономарева В. П. Феномен Юридического факультета в городе Харбине в правовом пространстве русского зарубежья // Пространство и время. 2014. № 4 (18). С. 175–182.

Российское научное зарубежье: материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 4. Юридические науки: XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. М. Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. 220 с.

Русь Святого Владимира. Юбилейный сб. ко дню 950-летия Крещения Руси. Шанхай: Изд-во Владимирского юбилейного комитета г. Шанхая, 1938. 190 с. URL: http://krotov.info/library/17_r/us/s_1938.htm (дата обращения: 31.08.2015).

Стародубцев Г. С. По страницам харбинского журнала «Известия юридического факультета» (1925–1938) // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 137–142.

Стародубцев Г. С. Русское юридическое образование в Харбине (1919–1937) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6. С. 140–151.

Филин М. Д. От составителя // Святой Креститель. Зарубежная Россия и Св. Владимир / сост. и предисл. М. Д. Филина; ред. и коммент. А. Ю. Карпова. М.: Русский мир, 2000. С. 5–14.

Фомин С. В. Джорданвилльский отшельник // Архимандрит Константин (Зайцев К. И.). Чудо Русской истории. М.: Форум, 2000. С. 3–28.

Эсперов Н. Е. Социально-политический строй Ростово-Суздальской земли со второй половины XII века до нашествия татар // Известия Юридического факультета. Высшая школа в Харбине. Юбилейный девятый том. 1920–1930. Т. IX. Харбин, 1931. С. 206–244.

Эсперов Н. Е. Удельно-феодальная эпоха, как особый период в истории русского права // Известия Юридического факультета. Высшая школа в Харбине. Юбилейный девятый том. 1920–1930. Т. IX. Харбин, 1931. С. 245–251.

References

Goverdovskaia L. F. Obrazovatel'naia i nauchnaia deiatel'nost' russkoi emigratsii v Kitae. 20–40-e gody XX v. [Educational and scientific activity of the Russian emigre in China (the 20s — 40s of the 20th c.)]. Rossiia i ATR. [Russia and the Pacific], 2006, no. 3, pp. 150–160. (In Russian)

Dvornichenko A. Iu. Zerkala i khimery. O vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva [Mirrors and chimeras. On the formation of the Old Russian state]. St. Petersburg; Moscow, Eurasia; Klio Publ., 2014. 560 p. (In Russian)

Dvornichenko A. Iu. Politogenez Kievskoi Rusi v tvorchestve russkikh istorikov-emigrantov [Politogenesis of the Kievan Rus in the Works of Russian Historians and Emigrants]. Klio. Zhurnal dlia uchenyh. [Klio. Journal for scientists], 2014, no. 10 (94), pp. 38–46. (In Russian)

Dudin P. N. Russkoe pravo i russkaia pravovaia mysl' na stranitsakh man'chzhurskoi pressy [Russian law and Russian legal thought on the pages of Manchuria Press]. Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of the Buryat state University], 2015, no. 2, pp. 136–142. (In Russian)

Zaitsev K. I. Kievskaiia Rus': istoricheskii obzor i kniga dlia chteniia [Kievan Rus]. Harbin, The Pushkin Committee, 1942, XIII, 445 p. (In Russian)

Kosinova O. A. «Izvestiia Iuridicheskogo fakul'teta» kak istoriko-pedagogicheskii istochnik o rossiiskom zarubezh'e v Kitae [«The Proceedings of the Faculty of Law» as a Historical and Pedagogical Source on the Russian Diaspora in China]. Znanie. Ponimanie. Umenie. [Knowledge. Understanding. Ability], 2013, no. 4, pp. 240–243. (In Russian)

Lazareva S. I., Shpileva A. N. Russkie shkoly i vuzy v Man'chzhurii (20–30-e gg. XX v.) [The Russian schools in Manchuria in 20–30s of the 20th Century]. Rossiia i ATR. [Russia and the Pacific], 2011, no. 4, pp. 10–20. (In Russian)

Marchenko V.A. Istoriia sozdaniia i deiatel'nosti Russkogo iuridicheskogo fakul'teta v Kharbine (1922–1929 gg.) [Russian Legal Department in Harbin establishment and activity history (1922–1929)]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2011, no. 7 (13), part III, pp. 151–154. (In Russian)

Ponomareva V.P. Professor G.G. Tel'berg kak predstavitel' russkoi zarubezhnoi iuridicheskoi mysli [Professor G.G. Telberg as the representative of the Russian foreign legal thought]. *Istoriia gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2013, no. 5, pp. 12–16. (In Russian)

Ponomareva V.P. Fenomen Iuridicheskogo fakul'teta v gorode Kharbine v pravovom prostranstve russkogo zarubezh'ia [The phenomenon of the Law Faculty in the city of Harbin in the legal space of the Russian diaspora]. *Prostranstvo i vremia*. [Space and Time], 2014, no. 4 (18), pp. 175–182. (In Russian)

Rossiiskoe nauchnoe zarubezh'e: materialy dlia biobibliograficheskogo slovaria. Pilotnyi vyp. 4. Iuridicheskie nauki: XIX — pervaiia polovina XX v. [Russian research abroad: materials for bibliographic dictionary. Pilot episode 4. Legal studies: XIX — first half of XX century]. Comp. M. Iu. Sorokina. Moscow, The House of Russian abroad named after A. Solzhenitsyn, 2011. 220 p. (In Russian)

Rus' Sviatogo Vladimira [Rus St. Vladimir]. Iubileinyi sb. ko dniu 950-letii Kreshcheniia Rusi. Shankhai, Izd-vo Vladimirovskogo iubileinogo komiteta g. Shankhaia, 1938. 190 p. Available at: http://krotov.info/library/17_r/us/s_1938.htm (accessed 31.08.2015).

Starodubtsev G.S. Po stranitsam kharbinskogo zhurnala «Izvestiia iuridicheskogo fakul'teta» (1925–1938) [Through the pages of Harbin of the journal «Izvestiia of the law faculty» (1925–1938)]. Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East], 2001, no. 6, pp. 137–142. (In Russian)

Starodubtsev G.S. Russkoe iuridicheskoe obrazovanie v Kharbine (1919–1937) Russian legal education in Harbin (1919–1937)]. Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East], 2000, no. 6, pp. 140–151. (In Russian)

Filin M. D. Ot sostavitelia [From the compiler]. Sviatoi Krestitel'. Zarubezhnaia Rossiia i Sv. Vladimir [The Holy Baptist. Foreign Russia and St. Vladimir]. Comp. M. D. Filina; ed. by and komment. A. Iu. Karpova. Moscow, Russian world Publ., 2000, pp. 5–14. (In Russian)

Fomin S. V. Dzhordanvill'skii otsheľ'nik [Jordanville hermit]. Arhimandrit Konstantin (Zaitsev K. I.). Chudo Russkoi istorii [Archimandrite Konstantin (Zaitsev K. I.). The miracle of Russian history]. Moscow, Forum Publ, 2000, pp. 3–28. (In Russian).

Esperov N.E. Sotsial'no-politicheskii stroi Rostovo-Suzdal'skoi zemli so vtoroi poloviny XII veka do nashestviia tatar [The socio-political system of Rostov-Suzdal land since the second half of the XII century to the invasion of the Tatars]. Izvestiia Iuridicheskogo fakul'teta. Vysshaia shkola v Kharbine. Iubileinyi deviatyi tom. 1920–1930 [Izvestiia of the law faculty. High school in Harbin. 1920–1930], 1931, vol. IX, pp. 206–244. (In Russian)

Esperov N.E. Udel'no-feodal'naia epokha, kak osobyi period v istorii russkogo prava [Specific-feudal era, as a special period in the history of Russian law]. Izvestiia Iuridicheskogo fakul'teta. Vysshaia shkola v Kharbine. Iubileinyi deviatyi tom. 1920–1930 [Izvestiia of the law faculty. High school in Harbin. 1920–1930], 1931, vol. IX, pp. 245–251. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2015 г.